

одним из основных средств формирования, хранения и передачи языковой информации.

Культурные концепты описывают национальную картину мира народа. Национальная концептосфера включает в себя наивную картину мира данного языка, формирующую образную составляющую концептов, национальную систему ценностей, формирующую оценочную составляющую концептов, и определенную сумму информации, необходимую для успешного общения в рамках данной культуры. Культурные концепты, аккумулируя в себе все сферы жизни, сопрягая прошлое и настоящее, заглядывая в будущее, создают некий универсум человеческого и природного бытия, где бесконечная множественность явлений, глубинных и видимых, выталкивает на поверхность нечто хорошо узнаваемое, бывшее прежде, но вместе с тем неожиданно новое.

Культурный концепт неоднозначен, в то же время он является часто используемым термином, обозначающим единицу культурного знания, единицу знания определенной культуры, знание культурных различий, свойственное отдельному народу, то есть знание, маркирующее исключительную принадлежность конкретной культуре. Изучение культурного концепта помогает описать национальный менталитет народа, национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Изучение культурных концептов — это движение от психических, социально-культурных образований в сторону их вариативной фиксации в языке и не только.

Культурные концепты являются частью коллективного языкового сознания. Это общенародное достояние, хранящееся посредством языка в памяти народа. Культурные концепты образуют концептосферу народа. Менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в процессах мышления. Концептосфера народа шире семантической сферы,

представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче ее концептосфера.

Несмотря на тесную связь, менталитет и концептосфера — разные сущности. Национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов — имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, диктуют некоторые фиксируемые в концептах оценки явлений и событий.

Культурный концепт тесным образом связан с культурой. Исследователи, изучающие культурные концепты, пишут о концепте как об основной составляющей культуры. «Культура — это совокупность концептов и отношений между ними», — указывает Ю. С. Степанов [10, с. 40]. Это микромодель культуры. Они лежат в основе картины мира. Сформировавшись в определенный период, культурный концепт исторически изменяется на протяжении времени. Если изменения происходят, то временной промежуток столь удлинен, что проследить это не всегда возможно даже на протяжении нескольких поколений. И перемены чаще связаны с появлением новых культурных концептов, социальными и экономическими процессами, которые меняют сам язык этноса.

В картине мира культурного пространства народа можно выделить ядерные и периферийные культурные концепты. Некоторые концепты пребывают в ней постоянно или на протяжении длительного времени. Такие концепты называются константами культуры. Установление корпуса, состава фундаментальных национально-культурных концептов рассматривается как одна из важных проблем исследования национальной картины мира. Изучение культурных концептов позволяет нам подробно описать культуру, выявить ее базисные элементы.

#### Список использованных источников

1. *Неретина, С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. История. Миф, время, загадка / С.С. Неретина. — М.: Гнозис, 1994. — 208 с.
2. *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. — Волгоград: Перемена, 2004. — 260 с.
3. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека. / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки рус. культуры, 1999. — 896 с.
4. *Воркачев, С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. — 192 с.
5. *Пименова, М.В.* Душа и дух: особенности концептуализации: монография / М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», Сер. «Концептуальные исследования». — Вып. 3. — 2004. — 386 с.
6. *Залевская, А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики; под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: ВорГУ, 2001. — С. 36–46.
7. *Холодная, М.А.* Интегральные структуры понятийного мышления / М.А. Холодная. — Томск: Изд-во ТомГУ, 1983. — 190 с.
8. *Алефиренко, Н.Ф.* Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры / Н.Ф. Алефиренко // Мир рус. слова. — 2002. — № 2. — С. 60–74.
9. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — 288 с.
10. *Степанов, Ю.С.* Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. — М.: Академ. проект, 2001. — 990 с.

20.05.2014

УДК 159.923.2

И. Ю. Чайка

## ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Информационное общество в третьем тысячелетии все более приобретает характер сформировавшегося феномена. Развитое информационное общество сегодня становится основанием, на котором формируется общество знаний. Актуальным заданием оказывается синхронизация структуризации компонентов мирового сообщества (обществ) ради достижения ими информационной стадии*

развития, которая обеспечила бы возможности равноправного взаимодействия в глобальном информационном обществе. Важным признаком завершения структуризации мирового общества именно как информационного становится образование системы институтов информационного общества. Функционирование этих институтов на уровне общественной практики предусматривает формирование соответствующих им организационных форм. В политической подсистеме особенную актуальность приобретает технология электронного правительства. Экономика информационного общества становится электронной: развиваются отрасли электронной торговли, электронной коммерции и технологии взаимодействия, между экономическими агентами — *business to business*. Необходимость реализации принципа «обучения в течение жизни» содействует развитию новых технологий в отрасли образования, в частности дистанционного образования.

*The information society in the third millennium is intensively acquiring the character of a developed phenomenon. The developed information society has presently become the basis of knowledge society formation. The urgent task is to synchronize the structuring of the world community (societies) components for the purpose of their achieving the informational stage of the development which would enable equal interaction in the global information society. The significant sign indicating that the structuring of the world society as an information one has been completed is the formation of the system of information society institutions. Functioning of these institutions as a social practice means forming corresponding organizational forms.*

Особенности формирования и развития общественных институтов информационной эпохи выступают предметом исследований в различных отраслях науки. Философский анализ данной проблематики представлен, в частности, в работах Д. Лайона, который анализирует особенности современного мирового сообщества в технологическом, информационном и идеологическом измерении; А. А. Попова, рассматривающего институциональные параметры информационного общества; В. М. Щербины, исследующего проблему многомерного общества; Е. В. Жукова, обосновывающего информационное общество как новый этап цивилизационного развития. Отдельные аспекты институционального развития информационного общества рассматриваются в работах, посвященных проблемам развития электронной экономики (Х. М. Дейтел, А. Панагария, О. А. Воробьева, Н. В. Евдокимов, И. А. Матвеев, О. В. Матвиенко), электронного правительства (О. П. Голобуцкий, О. Б. Шевчук, Д. Дубов, Г. В. Камарали, И. В. Клименко, П. С. Климушкин, А. О. Серенко), дистанционного образования (Дж. М. Перез Торнеро, Т. Варис, А. А. Андреев, Н. В. Волженина, А. В. Соловов).

Принимая во внимание актуальность сформулированной проблемы, важным представляется комплексный анализ формирования организационных форм информационного общества в современном мире, что и является целью данной работы.

Информационный этап исторического развития не предусматривает исчезновения государства в традиционном понимании его как руководящей подсистемы общества, однако актуализирует проблемы трансформации его функций. По мнению Е. Жукова, «общество созрело для того, чтобы с полной ответственностью за последствия требовать государственной системы, похожей на катализатор. Системы, которая направляет и стимулирует действие, а не пытается сделать все сама. Она должна принадлежать обществу — наделять полномочиями, а не обслуживать. И направлять ее должны задания, ориентированные на результат и обращенные лицом к клиенту» [1, с. 180].

Следовательно, роль государства в информационную эпоху начинает изменяться коренным образом, постепенно избавляясь от характеристик карательной, патерналистской, регламентирующей и преобразуясь в посредническую, клиентоориентирован-

ную, регулирующую. Французское правительство, в частности, так определяет роль государства в информационном обществе: «Подход правительства имеет целью сделать ясное различие между теми областями, в которых прямое государственное вмешательство требуется, вроде модернизации общественных служб или разработки информационных и коммуникационных технологий в сфере образования, и теми областями, где государство может просто задать пример, предложить поддержку и увеличить понимание обществом этих областей. Государство в этом отношении не может делать решительно все. Поэтому необходимо, чтобы само общество взяло инициативу, через участие отдельных граждан, компаний, местных властей и ассоциаций» [2].

Впрочем, по мнению некоторых исследователей, не стоит отказываться от использования традиционного влияния на функционирование ведущих областей общественной жизни, в частности экономики, которое позволит избежать анархии: «Цифровое будущее непременно станет гибридом государственно-вмешательства, рыночной регуляции и требований цифровой потребительской культуры. Так, информационные технологии развиваются и приобретают распространение благодаря деятельности экономических организаций. Однако анархизм в последующем совершенствовании и внедрении — слишком легкомысленное решение со стратегической точки зрения. Вместо этого правительство должно открыто подтвердить неизбежность определенной формы смешанной экономики — творческого и антагонистического сочетания государства, корпораций и частной инициативы пользователей. На этом фоне главные направления деятельности государства в информационной сфере находятся в таких ее измерениях, как политика, экономика, дипломатия, военное дело» [3, с. 29].

Подобной точки зрения придерживается и Г. В. Камарали, рассуждая относительно изменений в моделях государственного управления в информационную эпоху: «Самая первая проблема госсектора в информационную эпоху — это проблема бюрократии. В целом в информационно развитых странах социологами выделено семь моделей в сфере государственного управления. К таким моделям относятся: возрождение администрации; интегрированное элек-

тронное распределение материальных благ; интегрированный электронный доступ к информации государственных органов; инициатива государства в сфере информационного обслуживания; внутренний обмен данными о налогах, отчетности и платежах; государственные и глобальные сети правоохранительных органов и спасательных служб; связь гражданина с государственными организациями и т. п. <...> Упорядоченное развитие информационного общества обеспечивается активной ролью государства, потому что полное или частичное устранение государства от решения своих новейших заданий затянет переход общества в новое качество и, скорее всего, вызовет кризисную ситуацию. Сегодняшним позитивом является то, что в условиях перехода к информационному обществу от государств не требуется так кардинально изменять методы управления, как это имело место во время перехода к индустриальному обществу. Тогда государства еще учились регулировать социально-экономические отношения. В наше время они должны выстроить новую позицию, основанную на достижениях предыдущих периодов» [4, с. 113–114, 116–117].

С последним тезисом, впрочем, нельзя полностью согласиться, поскольку государство информационной эпохи по своей природе существенно отличается от государства индустриального периода.

В 1970-х гг. в развитых странах мира существенно трансформировалась идеология государственного управления, что было вызвано изменением принципов взаимодействия государства и общества. Государство начинает утрачивать монополию на рынке публичных услуг, поскольку перечень агентов, предоставляющих услуги в сфере социального обеспечения, высшего профессионального образования, жилищно-коммунальных, транспортных, информационных услуг, расширился за счет частных предпринимателей и организаций. Государство одновременно и делегировало часть своих функций этим частным агентам, и выступало в качестве их конкурента в отдельных направлениях деятельности. Обеспечивать свои конкурентные преимущества государство могло только за счет превращения в «клиентоориентированную» организацию. Само понимание государственной эффективности трансформируется: начинает акцентироваться способность власти к взаимодействию с негосударственными институтами, необходимость оптимизации развития за счет сокращения используемых ресурсов общества. Одними из флагманов новой государственной идеологии оказались страны англосаксонской группы, использующие сетевые структуры в качестве организационного принципа в государственном управлении.

Трансформация традиционных и возникновение новых функций государства вызвали необходимость появления новых организационных форм, в частности электронного правительства. *Электронное правительство* — концепция осуществления государственного управления, характерная для информационного общества. Базируется на возможностях информационно-телекоммуникационных технологий и ценностях открытого гражданского общества, характеризуется направленностью на потребности граждан, экономической эффективностью, открытостью для общественного контроля и инициативы [5].

*United Nations Division for Public Economics & Public Administration* вместе с *American Society for Public Administration* определили следующие стадии развития электронного правительства:

- формирование присутствия государства в Сети (*emerging web presence*) (в стране один или несколько официальных правительственных сайтов, которые предлагают пользователям статистическую информацию и являются инструментом для связи правительства с общественностью);
- усиливается присутствие государства в Сети (*enhanced web presence*) (количество правительственных сайтов увеличивается, предоставляемая информация становится более динамичной, при этом пользователи получают больше возможностей для доступа к государственной информации);
- интерактивное присутствие государства в Сети (*interactive web presence*) (осуществляется формальный обмен информацией между пользователями и правительственными органами (заполнение форм, отправление заявлений онлайн));
- присутствие государства в Сети на уровне транзакций (*transactional web presence*) (пользователи имеют простой доступ к данным, приоритетность которых определяется на основе их потребностей; существуют транзакции, осуществляемые онлайн (уплата налогов, регистрационного и таможенных сборов));
- полностью интегрированное присутствие государства в Сети (*fully integrated web presence*) (завершена полная интеграция всех государственных интернет-ресурсов в рамках единственного портала) [5].

В 2001 г. компания *Accenture* [6] опубликовала отчет «Лидеры электронного правительства: риторика vs реальность — закрывая проломы», в котором был проанализирован опыт 22 стран, приступивших к созданию электронного правительства. В отчете сформулированы следующие пять отличительных признаков стран — лидеров в сфере электронного правительства.

**1. Удачное сочетание замысла и способов реализации.** Правильный баланс между политической инициативой и простотой административных схем. Иными словами, все страны-лидеры смогли вовремя сформулировать концепцию развития и привести в действие административные механизмы, которые способствуют реализации государственных программ, перемещению центра внимания правительственных служб на потребности граждан и организаций и установлению строгой отчетности за предоставление услуг.

При разработке проектов создания электронного правительства были сформулированы такие четко обусловленные цели, как, например, в Великобритании: «До 2008 г. все услуги государства должны быть доступны по электронным каналам». При этом один раз в шесть месяцев публикуются отчеты с контролем достигнутых результатов. Так, на конец 2002 г. приблизительно 70 % государственных услуг были доступны по электронным каналам. В Нидерландах этот показатель на конец 2001 г. составлял около 86 % для центрального правительства и 34 % для государства в целом.

**2. Ориентация на потребителя.** Обычно на первой стадии реализации программ электронного правительства страны-лидеры ограничивались публикацией основной информации в Интернете. В дальнейшем страны-лидеры двигались от публикации основной информации и работы в рамках существующих организационных схем к инновационным услугам на основе намерений/потребностей пользователей.

**3. Использование принципов управления взаимоотношениями с гражданами (Citizen Relationship Management, CRM).** Государства имеют самые крупные в мире базы данных о клиентах (гражданах), и передовые страны начинают использовать эту информацию для систематизации данных и прогнозирования потребностей населения.

**4. Сочетание количества и комплексности услуг.** Лидеры не только расширяют сеть государственных веб-узлов, но и занимаются поиском новых решений; однако при этом ряд стран, например США и Австралия, уделяют большее внимание количеству услуг, чем детальности разработки методов их предоставления.

**5. Сетевые порталы как единые центры доступа.** Создание порталов стало для многих стран первым осязаемым итогом реализации концепции электронного правительства. Порталы рассматриваются как средство централизации и интеграции государственных услуг и как ключ к преодолению межведомственных барьеров, служат значимым источником ускорения развития сетевых услуг (в Канаде и некоторых других странах).

Однако электронное правительство может быть эффективным лишь при условии наличия развитого, ориентированного на интересы общества государства. В условиях же стран с исторически недавней демократической традицией и, соответственно, со значительным уровнем коррупции, которая пронизывает практически все формы отношений в системе «государство — общество», концепция электронного правительства, будучи реализованной, может служить совсем противоположным целям. Основные угрозы, по нашему мнению, могут проявляться в следующих аспектах. Во-первых, решение вопросов, с которыми к государственным органам обращаются граждане, как физические, так и юридические лица, через систему сетей электронного правительства, происходит якобы прозрачно, однако необязательно становится позитивным, поскольку чиновник сохраняет возможности оперировать формальными бюрократическими основаниями отказов. Во-вторых, доступ к техническим средствам, которые обеспечивают связь с соответствующими государственными сайтами, для многих граждан является ограниченным, что создает определенное неравенство при обращении к государственным органам. В-третьих, уровень осведомленности в информационных технологиях не является равным, что опять-таки ставит вопрос о равенстве граждан в реализации их права на обращение в государственные учреждения. В-четвертых, при отсутствии социальной ориентированности как ведущего принципа функционирования государства электронное правительство фактически формирует образ его как некоторой абстрактной силы, решения которой являются анонимными и в силу этого не могут быть рассмотрены в качестве результата деятельности определенного лица — чиновника. Следовательно, негативная реакция граждан уже не может канализироваться в сторону последнего и распространяется на государство в целом, формируя феномен отчужденности общества от государства, которое становится будто виртуальным объектом, что может вызвать массовое недовольство.

Развитие информационных процессов в отраслях экономики способствует возникновению уникаль-

ных форм хозяйственной деятельности. В 1995 г. американский исследователь Н. Негропonte впервые сформулировал концепцию электронной экономики. Он представил ее в форме перехода от движения атомов к движению битов. Н. Негропonte рассматривал понятие веса, сырья и транспорта как недостатки прошлого, противопоставляя им понятия отсутствия веса товаров, виртуальности, мгновенного глобального перемещения как преимущества будущего [7]. Сегодня происходит массовое создание онлайн-двойников хозяйствующих субъектов экономики (фирм, магазинов, торговых сетей, банков). На современном этапе развития электронной экономики одной из основных задач хозяйствующих субъектов является освоение электронных форм ведения бизнеса. За счет свободного доступа к Интернету разнообразные экономические агенты создают офисы в Сети, расширяя рынки сбыта своей продукции и увеличивая прибыль.

В соответствии с результатами исследования, проведенного британским Центром исследования розничной торговли (Centre for Retail Research), объем электронной торговли в странах Евросоюза вырос на 22 %, невзирая на кризисные явления в экономике, которые наблюдались в тот период. За 2009 г. через Глобальную сеть было продано товаров на 143,7 млрд евро, что составило 4,7 % от общего объема розничной продажи. В 2009 г. среднестатистический европеец приобрел через Интернет товары на 872,03 евро. Лидерами торговли в Сети стали Великобритания (42,7 млрд евро), Германия (33,4 млрд евро) и Франция (24,5 млрд евро). Уже в 2011 г. в Великобритании через Интернет были проданы товары на 59,4 млрд евро, а общеевропейский показатель составил 202,9 млрд евро [8].

Развивается сектор электронной коммерции. *Электронная коммерция* (E-commerce) — это сфера цифровой экономики, включающая все финансовые и торговые транзакции, которые проводятся с помощью компьютерных сетей, и бизнес-процессы, связанные с проведением этих транзакций. К электронной коммерции относят электронный обмен информацией (*Electronic Data Interchange, EDI*), электронное движение капитала (*Electronic Funds Transfer, EFS*), электронную торговлю (*E-trade*), электронные деньги (*E-cash*), электронный маркетинг (*E-Marketing*), электронный банкинг (*E-banking*), электронные страховые услуги (*E-insurance*) и т. п. Все эти тенденции свидетельствуют о значительной виртуализации экономической области общественной жизни: потребительский выбор осуществляется исходя не из восприятия реальных признаков продукта, а из суждения продавца об этом продукте, денежные транзакции становятся преимущественно абстрактными, избавляясь от ограничительных характеристик наличных денег (кредитные карточки).

Не менее важной является отрасль электронной экономики, в которой происходит взаимодействие отдельных экономических агентов, так называемая B2B (*business to business*) сфера. Как отмечают аналитики *International Data Corporation (IDC)* — международной компании, поставщика маркетинговых исследований, консультационных услуг, организатора конференций в области информационных технологий, телекоммуникаций и потребительской электроники, — если первая волна распространения элект-

тронной коммерции в секторе B2B инициировалась торговыми организациями, которые создавали системы электронной коммерции с целью рекламы товаров и услуг и использовали возможности Интернета как дополнительный коммерческий канал сбыта, то теперь росту электронной коммерции в секторе B2B способствуют прежде всего закупочные организации, которые используют Сеть в системах снабжения и закупок. Согласно данным *Forrester* и *Institute for Supply Management (ISM)*, американские бизнесмены воспринимают Интернет как необходимую среду для приобретения товаров и услуг: в первом квартале 2003 г. 31,6 % респондентов подтвердили, что Интернет очень важен для приобретения товаров и услуг, а во втором квартале их число увеличилось до 42,3 %. При этом приблизительно 75 % деловых покупателей принимали участие в онлайн-новых закупках. Однако на подобные позиции опираются далеко не все. В частности, британские производители, несмотря на усиление конкуренции, все еще не осознали важности информационных технологий как инструмента увеличения доходов и снижения расходов.

Новая историческая обстановка предъявляет к человеку соответствующие требования, реализация которых невозможна без переосмысления существующих методов обучения и их совершенствования. Без использования информационных технологий существенные сдвиги в области образования невозможны. В результате процесс образования приобретает принципиально новые формы. Большое влияние получают дистанционные формы образования. *Дистанционное образование* — современная форма заочного образования, основанная на передовых информационных технологиях в противовес традиционному заочному образованию. Международный совет по заочному образованию, который существует с 1938 г., в 1982 г. был преобразован в Международный совет по дистанционному образованию (*ICDE*). В настоящее время в сферу дистанционного образования входят интерактивные среды (телевидение, аудиографика, видео-, аудио-, телеконференции).

По программам дистанционного образования в США сегодня учится больше 1 млн студентов, они принимают учебные курсы через Систему публичного телевидения (*Public Broadcasting System, PBS-TV*). Программа обучения взрослых (*PBS Audit Learning Service*) с 1990 г. взаимодействует с 1500 колледжами и местными станциями и предлагает курсы по разным отраслям науки, бизнеса, управления. Учебные курсы, которые транслируются по четырем образовательным каналам, доступны по всей стране.

На рубеже XX–XXI вв. число учреждений дистанционного образования разных типов и уровней за рубежом превысило 1100. В ряде стран (Китай, Латвия, Нидерланды, Алжир, Великобритания, Турция и др.) от 10 до 25 % студентов получают образование в учреждениях дистанционного обучения. Испанский национальный университет дистанционного образования (*Universidad Nacional de Educacion a Distancia UNED*) включает 58 учебных центров в стране и 9 за рубежом. В Великобритании больше 50 % программ на степень магистра в области управления проводятся с использованием дистанционного обучения. Лидером этой отрасли является Открытая школа бизнеса Британского открытого университета.

Важность новых образовательных технологий, которые возникают именно в информационном обществе, объясняется необходимостью реализации принципа **обучения в течение жизни**, воплощение которого в конечном итоге является одной из предпосылок формирования **общества, которое учится**, а в дальнейшем и **общества знаний**. Принцип «обучение в течение жизни», впрочем, предусматривает также и одновременное выполнение человеком его профессиональных обязанностей на рабочем месте. Именно поэтому технологии дистанционного образования имеют большую экономическую эффективность для современных организаций, которые могут не тратить лишние средства на командирование сотрудников в учебные центры и варьировать периодичность и длительность занятий в соответствии с производственными потребностями. Функционирование дистанционного образования увеличивает доступность учебы для людей с ограниченными физическими возможностями, способствуя реализации принципа равных возможностей всех членов общества.

Таким образом, становление зрелого информационного общества сопровождается формированием новых институтов и соответствующих им организационных форм. В политической подсистеме особую актуальность приобретает технология электронного правительства, воплощающая в себе новую идеологию клиентоориентированного государства и выступающая фактором становления сетевой демократии. Экономика информационного общества становится электронной: развиваются отрасли электронной торговли, электронной коммерции и технологии взаимодействия, между экономическими агентами — *business to business*. Необходимость реализации принципа «обучение в течение жизни» содействует развитию новых технологий в отрасли образования, в частности дистанционного образования.

#### Список использованных источников

1. Жуков, Е.В. Інформаційне суспільство як новий етап цивілізаційного розвитку: політико-правовий аспект / Е.В. Жуков // Актуальні проблеми політики : зб. наук. праць. — Одеса : Фенікс. — 2011. — Вип. 42. — С. 175–182.
2. Подготовка вхождения Франции в информационное общество. Правительственная программа действий // ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.unesco.kz/ip/countries/france\\_is\\_rus.htm](http://www.unesco.kz/ip/countries/france_is_rus.htm). — Дата доступа: 24.03.2014.
3. Почепцов, Г.Г. Інформаційна політика : навч. посіб. / Г.Г. Почепцов, С.А. Чукут. — К. : Знання, 2006. — 663 с.
4. Камаралі, Г.В. Перспективи й особливості розвитку держави в інформаційну добу / Г.В. Камаралі // Вісн. ДонНУЕТ. Сер. «Гуманітарні науки». — 2010. — № 2 (46). — С. 111–119.
5. Голобуцький, О.П. Електронний уряд / О.П. Голобуцький, О.Б. Шевчук. — К. : ЗАТ «Атлант UMS», 2002. — 174 с.
6. Rhetoric vs Reality — Closing the Gap // European Union [Electronic resource]. — Mode of access: [http://www.epractice.eu/files/media/media\\_846.pdf](http://www.epractice.eu/files/media/media_846.pdf). — Date of access: 02.04.2014.
7. Negroponte, N. Being Digital / N. Negroponte. — New York : Vintage Books, 1996. — 255 p.
8. Online Retailing: Britain and Europe // Centre for Retail Research Website [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.hallaminternet.com/wp-content/uploads/2011/02/Online-Retailing-Statistics-Britain-Europe.pdf>. — Date of access: 15.04.2014.

23.04.2014